UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00312651 3

PG
3420
R3
1877

Presented to

The Library

of the

University of Toronto

by

The estate of the late
Mrs. Marie E. Remon

РАЗСКАЗЪ ОТЦА АЛЕКСѢЯ.

LK
T9365ra
Turgenev, Ivan Sergeevich
Razskaz

РАЗСКАЗЪ

ottsa Aleksiia

ОТЦА АЛЕКСѢЯ.

И. С. ТУРГЕНЕВА.

377351
19.3.40

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

Центральный книжный магазинъ для славянскихъ странъ.

1877.

LIBRARY
1974
APR
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3420
R3
1877

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

... Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ пришлось объѣхать, — въ качествѣ частнаго ревизора, — всѣ, довольно многочисленныя, имѣнія моей тётки. Приходскіе священники, съ которыми я считалъ своей обязанностью познакомиться, оказывались личностями, довольно однообразными и какъ-бы на одну мѣру сшитыми; наконецъ, чуть ли не въ послѣднемъ изъ обозрѣнныхъ мною имѣній, я наткнулся на священника, непохожаго на своихъ собратьевъ. Это былъ человѣкъ весьма старый, почти дряхлый; и еслибы не усиленныя просьбы прихожанъ, которые его любили и уважали, онъ бы давно отпросился на покой. Меня поразили въ отцѣ Алексѣѣ (такъ звали священника) двѣ особенности. Во-первыхъ, онъ не только ничего не выпросилъ для себя, но прямо заявилъ, что ни въ чемъ не нуждается, а во-вторыхъ, я ни на какомъ человѣческомъ лицѣ не видывалъ болѣе грустнаго, вполнѣ безучастнаго, — какъ говорится, — „убитаго" выраженія. Черты этого лица были обыкновенныя, дере-

венскаго типа: морщинистый лобъ, маленькіе сѣрые глазки, крупный носъ, бородка клиномъ, кожа смуглая и загорѣлая... Но выраженіе!... выраженіе!... Въ тускломъ взглядѣ едва — и то скорбно — теплилась жизнь; и голосъ былъ какой-то тоже не живой, тоже тусклый. Я занемогъ и пролежалъ нѣсколько дней; отецъ Алексѣй заходилъ ко мнѣ по вечерамъ — не бесѣдовать, а играть въ дурачки. Игра въ карты, казалось, развлекала его еще больше, чѣмъ меня. Однажды, оставшись нѣсколько разъ сряду въ дуракахъ (чему отецъ Алексѣй порадовался не мало), я завелъ рѣчь о его прошлой жизни, о тѣхъ горестяхъ, которыя оставили на немъ такой явный слѣдъ. Отецъ Алексѣй сперва долго упирался, но кончилъ тѣмъ, что разсказалъ мнѣ свою исторію. Я ему, должно быть, чѣмъ-нибудь да полюбился; а то бы онъ не былъ со мною такъ откровененъ.

— Я постараюсь передать его разсказъ его же словами. Отецъ Алексѣй говорилъ очень просто и толково, безо всякихъ семинарскихъ или провинціальныхъ замашекъ и оборотовъ рѣчи. Я не въ первый разъ замѣтилъ, что сильно поломанные и смирившіеся люди всѣхъ сословій и званій выражаются именно такимъ языкомъ.

— ... У меня была жена добрая и степенная, — такъ началъ онъ; — я ее любилъ душевно — и прижилъ съ нею восемь человѣкъ дѣтей; но почти всѣ умерли въ младыхъ лѣтахъ. Одинъ мой сынъ вышелъ въ архіереи — и скончался не такъ давно у себя въ епархіи; о другомъ сынѣ — Яковомъ его звали — я вотъ теперь разскажу вамъ. Отдалъ я его въ семинарію, въ городъ Т...ъ; — скоро сталъ получать самыя утѣшительныя о немъ извѣстія: первымъ былъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ! Онъ и дома, въ отрочествѣ, отличался прилежаніемъ и скромностью; бывало — день пройдетъ — и не услышишь его... все съ книжкой сидитъ да читаетъ. Никогда онъ намъ съ попадьей не причинилъ непріятности самомалѣйшей; смиренникъ былъ. Только иногда задумывался не по лѣтамъ и здоровьемъ былъ слабенекъ. Разъ съ нимъ чудное нѣчто произошло. Десять лѣтъ ему тогда минуло. Отлучился онъ изъ дому — подъ самый Петровъ день — на зорькѣ; да почти цѣлое утро пропадалъ. Наконецъ, воротился. Мы съ женой спрашиваемъ его: гдѣ былъ? Въ лѣсъ, говоритъ, гулять ходилъ — да встрѣтилъ тамъ нѣкоего зеленаго старичка, который со мною много разговаривалъ — и такіе

мнѣ вкусные орѣшки далъ! — „Какой-такой зеленый старичокъ?“ спрашиваемъ мы. — Не знаю, говоритъ, никогда его доселѣ не видывалъ. Маленькій старичокъ, съ горбиною, ножками все сѣменитъ и посмѣивается — и весь, какъ листъ, зеленый. — „Какъ, говоримъ мы, — и лицо зеленое?“ — И лицо, и волосы, и самые даже глаза. — Никогда нашъ сынъ не лгалъ; но тутъ мы съ женой усомнились. „Ты, чай, заснулъ въ лѣсу, на припёкѣ, да и видѣлъ старичка того во снѣ“. — Не спалъ я, говоритъ, николи; да что, говоритъ, вы не вѣрите? — вотъ у меня въ карманѣ и орѣшекъ одинъ остался. Вынулъ Яковъ изъ кармана тотъ орѣшекъ, показываетъ намъ... Ядрышко небольшое, въ родѣ каштанчика, словно шероховатое; на наши обыкновенные орѣхи не похоже. Я его спряталъ, хотѣлъ-было доктору показать... да запропастилось оно... не нашелъ потомъ.

— Ну-съ, отдали мы его въ семинарію — и, какъ я вамъ уже докладывалъ, веселилъ онъ насъ своими успѣхами! Такъ мы съ супругой и полагали, что выдетъ изъ него человѣкъ! На побывку домой придетъ — любо на него глядѣть: такой благообразный, озорства за нимъ никакого; — всѣмъ-то онъ нравится, всѣ насъ

поздравляютъ. Только все тѣломъ худенекъ — и въ лицѣ настоящей краски нѣтъ. Вотъ уже девятнадцатый годъ ему наступилъ — скоро ученію конецъ! И получаемъ мы тутъ вдругъ отъ него письмо. Пишетъ онъ намъ: „Батюшка и матушка, не прогнѣвайтесь на меня, разрѣшите мнѣ идти по свѣтскому; не лежитъ сердце мое къ духовному званію, ужасаюсь я отвѣтственности, боюсь грѣха — сомнѣнія во мнѣ возродились! Безъ вашего родительскаго разрѣшенія и благословенія ни на что не отважусь — но скажу вамъ одно: боюсь я самого себя — ибо много размышлять началъ". Доложу я вамъ, милостивый государь: опечалился я гораздо отъ этого письма — словно рогатиной мнѣ противъ сердца толкнуло — потому, вижу: не будетъ мнѣ на моемъ мѣстѣ преемника! Старшій сынъ — монахъ; а этотъ вовсе изъ своего званія выступить желаетъ. Горько мнѣ еще потому: въ нашемъ приходѣ близко двухъ-сотъ годовъ все изъ нашей семьи священники живали! Однако, думаю: нечего противъ рожна переть; знать, ужъ такое ему предопредѣленіе вышло. Что́ ужъ за пастырь, коли сомнѣніе въ себѣ допустилъ! Посовѣтовался я съ женою — и написалъ ему въ такомъ смыслѣ: „Сынъ мой, Яковъ,

одумайся хорошенько — десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь — трудности на свѣтской службѣ пребываютъ великія, холодъ да голодъ, да къ нашему сословію пренебреженіе! И знай ты напередъ: никто руку помощи тебѣ не подастъ; не пеняй потомъ, смотри! Желаніе мое, ты самъ знаешь, всегда было такое, чтобы ты меня замѣнилъ; но ежели ты точно въ своемъ призваніи усомнился и пошатнулся въ вѣрѣ — то и удерживать тебя мнѣ не приходится. Буди воля Господня! Мы съ матерью твоею въ благословеніи тебѣ не отказываемъ". Отвѣчаетъ мнѣ Яковъ благодарственнымъ письмомъ. „Обрадовалъ ты меня, молъ, батюшка; есть мое намѣреніе посвятить себя ученому званію — и протекція у меня есть; поступаю въ университетъ, буду докторомъ; потому, — къ наукѣ большую склонность чувствую". Прочелъ я Яшино письмо — и пуще опечалился; а подѣлиться горемъ скóро стало не съ кѣмъ: старуха моя о-ту пору простудилась сильно и скончалась — отъ этой ли самой простуды — или Господь ее, любя, прибралъ — неизвѣстно. Заплáчу, заплáчу я, бывало, вдовецъ одинокій, — а чтó подѣлаешь? Такъ тому, знать, и быть. И радъ бы въ землю

уйти... да тверда она... не разступается. А самъ сына поджидаю; потому — онъ извѣстилъ меня: „прежде, молъ, чѣмъ въ Москву поѣду, домой навѣдаюсь“. И точно: пріѣхалъ онъ въ родительскій домъ — но только пожилъ въ немъ не долго. Словно что́ его торопило: такъ бы, кажись, на крылахъ полетѣлъ въ Москву, въ университетъ свой любезный! Сталъ я разспрашивать его о сомнѣніяхъ — какая, дескать, причина? — но и разговоровъ большихъ отъ него не услышалъ: одна мысль затесалась въ голову — и полно! Ближнимъ, говоритъ, хочу помогать. Ну-съ, поѣхалъ онъ отъ меня — почитай, что ни гроша съ собой не взялъ — только малость изъ платья. Ужъ очень онъ на себя надѣялся! И не по пустому. Экзаменъ выдержалъ отлично, въ студенты поступилъ, уроки по частнымъ домамъ пріобрѣлъ... Твердъ онъ былъ въ древнихъ-то языкахъ! И какъ вы полагаете? Мнѣ же деньги высылать вздумалъ. Повеселѣлъ я маленько — конечно, не изъ-за денегъ — я ихъ ему назадъ отослалъ и побранилъ его даже; а повеселѣлъ, потому что вижу: путь въ маломъ будетъ. Только не долго длилось мое веселье!

— Пріѣхалъ онъ на первыя вакаціи... И что.

за чудо! Не узнаю я моего Якова! Скучный такой сталъ, угрюмый — слова отъ него не добьешься. И въ лицѣ перемѣнился: почитай на десять лѣтъ постарѣлъ. — Онъ и прежде застѣнчивъ былъ — что́ и говорить! — Чуть что́ — сейчасъ заробѣетъ и закраснѣется весь, какъ дѣвица... Но подниметъ онъ глаза — такъ ты и видишь, что свѣтлехонько у него на душѣ! — А теперь не то. Не робѣетъ онъ — а дичится, словно волкъ — и глядитъ все изъ подлобья. — Ни тебѣ улыбки, ни тебѣ привѣта — какъ есть камень! Примусь я его разспрашивать — либо молчитъ, либо огрызается. Сталъ я думать: ужъ не запилъ ли онъ — сохрани Богъ! либо къ картамъ пристрастія не получилъ ли? — или вотъ еще на счетъ женской слабости не приключилось ли что? Въ юныя лѣта присухи дѣйствуютъ сильно — ну, да въ такомъ большомъ городѣ, какъ Москва, не безъ худыхъ примѣровъ и окказій! — Однако нѣтъ: ничего подобнаго не видать. Питье его — квасъ да вода; на женскій полъ не взираетъ — да и вообще съ людьми не знается. И что́ мнѣ было горше всего: нѣту въ немъ прежняго довѣрія ко мнѣ, — равнодушіе какое-то проявилось: точно ему все свое опостылѣло. Заведу я бесѣ-

сѣду о наукахъ, объ университетѣ — и тутъ настоящаго отвѣта добиться не могу. Въ церковь онъ однако ходилъ — но тоже не безъ странности: вездѣ-то онъ суровъ да хмуръ — а тутъ, въ церкви-то, все словно ухмыляется. Пожилъ онъ у меня такимъ манеромъ недѣль съ шесть — да опять въ Москву! — Изъ Москвы написалъ мнѣ раза два — и показалось мнѣ изъ его писемъ, будто онъ опять приходитъ въ чувство. Но представьте вы себѣ мое удивленіе, милостивый государь! Вдругъ, въ самый развалъ зимы, передъ святками — является онъ ко мнѣ! — Какимъ манеромъ? Какъ? Что? Знаю я, что объ эту пору вакацій нѣтъ. — Ты изъ Москвы? спрашиваю я. — Изъ Москвы. — А какъ же... Университетъ-то? — Университетъ я бросилъ. — Бросилъ? — Точно такъ. — Навсегда? — Навсегда. — Да ты, Яковъ, боленъ, что ли? — Нѣтъ, говоритъ, батюшка, я не боленъ; а только вы, батюшка, меня не тревожьте и не разспрашивайте; а то я отсюда уйду — и только вы меня и видали. Говоритъ мнѣ Яковъ: не боленъ — а у самого лицо такое, что я даже ужаснулся! Страшное, темное, нечеловѣческое словно! — Щеки этта подтянуло, скулы выпятились, кости да кожи, голосъ какъ изъ бочки...

а глаза... Господи Владыко! Что это за глаза? Грозные, дикіе, все по сторонамъ мечутся — и поймать ихъ нельзя; брови сдвинуты, губы тоже какъ-то на бокъ скрючены... Что́ сталось съ моимъ Іосифомъ Прекраснымъ, съ тихоней моимъ? — Ума не приложу. Ужъ не рехнулся ли онъ? — думаю я такъ-то. Скитается какъ привидѣніе, по ночамъ не спитъ — а то вдругъ возьметъ да уставится въ уголъ и словно весь окоченѣетъ... Жутко таково! — Хоть онъ и грозилъ мнѣ, что уйдетъ изъ дому, если я его въ покоѣ не оставлю — но вѣдь я отецъ! Послѣдняя моя надежда разрушается — а я молчи? — Вотъ однажды, улуча время, сталъ я слезно молить Якова, памятью покойницы его матери заклинать его сталъ: скажи-молъ мнѣ, какъ отцу по плоти и по духу, Яша, что́ съ тобою? Не убивай ты меня — объяснись, облегчи свое сердце! Ужъ не загубилъ ли ты какую христіанскую душу? Такъ покайся! — Ну, батюшка, говоритъ онъ мнѣ вдругъ — (а дѣло-то пришлось къ ночи) — разжалобилъ ты меня; скажу я тебѣ всю правду! Души я никакой не загубилъ — а моя собственная душа пропадаетъ. — Какимъ это образомъ? — А вотъ какъ... И тутъ Яковъ впервое на меня глаза поднялъ... Вотъ уже

четвертый мѣсяцъ, началъ онъ... Но вдругъ у него рѣчь оборвалась — и тяжело дышать онъ сталъ. — Что́ такое четвертый мѣсяцъ? Сказывай, не томи! — Четвертый мѣсяцъ какъ я его вижу. — *Его?* Кого его? — Да того... что́ къ ночи называть неудобно. — Я такъ и похолодѣлъ весь и затрясся. — Какъ?! говорю — ты *его* видишь? — Да. — И теперь видишь? — Да. — Гдѣ? — А самъ я и обернуться не смѣю — и говоримъ мы оба шопотомъ. — А вонъ гдѣ... — И глазами мнѣ указываетъ... вонъ, въ углу. — Я таки-осмѣлился... глянулъ въ уголъ: ничего тамъ нѣту! — Да тамъ ничего нѣтъ, Яковъ, помилуй! *Ты* не видишь — а я вижу. — Я опять глянулъ... опять ничего. Вспомнился мнѣ вдругъ старичокъ въ лѣсу, что́ каштанчикъ ему подарилъ. — Какой онъ изъ себя? говорю... зеленый? — Нѣтъ, не зеленый, а черный. — Съ рогами? — Нѣтъ, онъ какъ человѣкъ — только весь черный. Яковъ самъ говоритъ — а у самого зубы оскалились — и поблѣднѣлъ онъ какъ мертвецъ, и жмется онъ ко мнѣ со страху; а глаза словно выскочить хотятъ — и глядитъ онъ все въ уголъ. — Да это тѣнь тебѣ мерещится, говорю я; это чернота отъ тѣни — а ты ее за человѣка принимаешь. — Какъ бы

не такъ! — Я и глаза его вижу: вонъ онъ ворочаетъ бѣлками, вонъ руку поднимаетъ, зоветъ. — Яковъ, Яковъ, ты бы попробовалъ, помолился: навожденіе это бы разсѣялось. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! — Пробовалъ, говоритъ, да ничего не дѣйствуетъ. Постой, постой, Яковъ, не малодушествуй; я ладономъ покурю, молитву почитаю, святой водой кругомъ тебя окроплю. — Яковъ только рукой махнулъ. — Ни въ ладонъ я твой не вѣрю, ни въ воду святую; не помогаютъ они ни на грошъ. Мнѣ съ *нимъ* теперь ужъ не разстаться. Какъ пришелъ онъ ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ въ одинъ проклятый день — такъ съ тѣхъ поръ ужъ онъ мой гость неизмѣнный — и выжить его нельзя. Ты это знай, отецъ — и больше моему поведенію не дивись — и меня не мучь. — Въ какой же это день пришелъ онъ къ тебѣ? — спрашиваю я его — а самъ все его крещу. Ужъ не тогда ли, когда ты о сомнѣніи писалъ? — Яковъ отвелъ мою руку. — — Оставь ты меня, говоритъ, батюшка, не вводи ты меня въ досаду, чтобы хуже чего не было. Мнѣ вѣдь на себя и руку наложить не долго. — Можете себѣ представить, милостивый государь, каково мнѣ было это слушать!... Помнится,

я всю ночь проплакалъ. — Чѣмъ, думаю, заслужилъ я такой гнѣвъ Господень?

Тутъ отецъ Алексѣй досталъ изъ кармана клѣтчатый носовой платокъ, и сталъ сморкаться, — да кстати утеръ украдкой глаза.

— Худое пошло тогда наше житье! — продолжалъ онъ. — Ужъ я только объ одномъ и думаю: какъ бы онъ не сбѣгъ — или, сохрани Господи, въ самомъ-дѣлѣ надъ собою какого зла не учинилъ! Караулю я его на каждомъ шагу, — а въ разговоръ и вступать-то боюсь. — И проживала въ ту пору вблизи насъ сосѣдка, полковница, вдова, — Марѳой Савишной ее звали; большое я къ ней уваженіе питалъ — потому женщина разсудительная и тихая, — даромъ, что молодая и собой пригожая; хаживалъ я къ ней часто — и она моимъ званіемъ не гнушалась. — Съ горя да съ тоски, не зная, что́ ужъ и придумать, — я возьми да все ей и разскажи. — Сперва она очень ужаснулась и даже всполошилась вся; а потомъ раздумье на нее нашло. — Долго она изволила сидѣть этакъ, молча; — а потомъ пожелала сына моего видѣть и побесѣдовать съ нимъ. — И почувствовалъ я тутъ, что безпремѣнно мнѣ слѣдуетъ исполнить ея волю; ибо не женское любопытство

въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ, — а нѣчто иное. Вернувшись домой, сталъ я убѣждать Якова: „поди, молъ, со мною къ госпожѣ полковницѣ". Такъ онъ и руками, и ногами! — „Не пойду", говоритъ, „ни за-что́! — О чемъ я съ нею буду бесѣдовать!" — Даже кричать на меня сталъ. — Однако я, наконецъ, уломалъ его — и, запрягши саночки, повезъ его къ Марѳѣ Савишнѣ, да, по уговору, оставилъ его съ нею наединѣ. Самому мнѣ удивительно, какъ это онъ скоро согласился? Ну, ничего, — посмотримъ. Часа черезъ три или четыре, возвращается мой Яковъ. — Ну, спрашиваю я, — какъ тебѣ сосѣдка наша понравилась? Ничего онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Я опять его пытать. — Добродѣтельная, говорю, дама... Обласкала, чай, тебя? — Да, говоритъ, она не какъ прочія. — Вижу я, онъ какъ-будто помягче сталъ. И рѣшился я тутъ его спросить... — А навожденіе, говорю, ка́къ? — Глянулъ Яковъ на меня, какъ кнутомъ стегнулъ, — и опять ничего не промолвилъ. Не сталъ я его больше тревожить, убрался изъ комнаты вонъ; а часъ спустя, подошелъ я къ двери, посмотрѣлъ сквозь замочную скважину... И что́ же вы думаете? — спитъ мой Яковъ! Легъ на постельку... — и спитъ. Перекрестился

я тутъ нѣсколько разъ сряду. Пошли, молъ, Господь всякой благодати Марѳѣ Савишнѣ! Видно, съумѣла, голубушка, ожесточенное его сердце тронуть!

— На слѣдующій день, смотрю, беретъ Яковъ шапку... Думаю — спросить его: куда, молъ, идешь? — да нѣтъ, лучше не спрашивать... навѣрное къ ней!... — И точно, — къ ней, къ Марѳѣ Савишнѣ отправился Яковъ — и еще дольше прежняго у ней просидѣлъ; а на слѣдующій день — опять! А тамъ черезъ день — опять! Началъ я воскресать духомъ; потому вижу: происходитъ въ сынѣ перемѣна, — и лицо у него другое стало, — и въ глаза ему глядѣть стало возможно: не отворачивается. Унылость все въ немъ та же, — да отчаянности прежней, ужаса прежняго нѣтъ. Но не успѣлъ я ободриться маленько, — какъ опять все разомъ оборвалось! Опять задичалъ Яковъ, опять приступиться къ нему нельзя. Сидитъ, запершись, въ коморкѣ — и полно ходить къ полковницѣ! — Неужто, думаю, онъ ее чѣмъ-нибудь обидѣлъ и она ему отъ дому отказала? — Да нѣтъ, думаю... онъ хоть и несчастный, на это не отважится; да и она не такая! Не вытерпѣлъ я, наконецъ, — спрашиваю я у него: А что́, Яковъ,

— сосѣдка наша... Ты, кажется, ее совсѣмъ позабылъ? — А онъ какъ гаркнетъ на меня: — Сосѣдка? Или ты хочешь, чтобы *онъ* смѣялся надо мною? Какъ? говорю. — Такъ онъ тутъ даже кулаки стиснулъ... освирѣпѣлъ вовсе! — Да! говоритъ, прежде онъ только та́къ торчалъ, — а теперь смѣяться началъ, зубы скалитъ! — Прочь! уйди! — Кому онъ эти слова обращалъ — я ужъ и не знаю; едва ноги меня вынесли — до того я перепугался. — Вы только представьте: лицо, какъ мѣдь красная, пѣна у рта — голосъ хриплый, словно кто его давитъ!... И поѣхалъ я — сирота-сиротою, въ тотъ же день къ Марѳѣ Савишнѣ... въ большой ее засталъ печали. Даже въ тѣлѣ она измѣнилась: похудѣлъ ликъ. Но разговаривать со мной о сынѣ она не захотѣла. Только одно сказала: что никакая тутъ людская помощь дѣйствительна быть не можетъ; молитесь, молъ, батюшка! — А тамъ вынесла мнѣ сто рублей; — для бѣдныхъ и больныхъ вашего прихода, говоритъ. И опять повторила: „молитесь!“ — Господи! какъ будто я и безъ того не молился — денно и нощно!

Отецъ Алексѣй тутъ снова досталъ платокъ, и снова утеръ свои слезы, но ужъ не украдкой

на этотъ разъ, — и, отдохнувъ немного, продолжалъ свою невеселую повѣсть.

— Покатились мы тутъ съ Яковомъ, словно снѣжный комъ подъ гору: и видать намъ обоимъ, что подъ горою прóпасть, — а кàкъ удержаться, — и чтó предпринять? — И скрыть это не было никакой возможности: по всему приходу пошло смущеніе великое, чтó вотъ-де у священника сынъ оказывается бѣсноватымъ, и чтó слѣдуетъ-де начальство обо всемъ этомъ извѣстить. — И извѣстили бы непремѣнно, — да прихожане мои, — спасибо имъ! — меня жалѣли. Тѣмъ временемъ зима миновала — и наступила весна. — И такую весну послалъ Богъ — красную, да свѣтлую, какой даже старые люди не запоминали: солнышко цѣлый день, безвѣтріе, теплынь! — И пришла мнѣ тутъ благая мысль: уговорить Якова сходить со мною на поклоненіе къ Митрофанію, въ Воронежъ! — „Коли", думаю, „и это послѣднее средство не поможетъ, — ну, тогда одна надежда: могила!" — Вотъ, сижу я однажды, передъ вечеркомъ, на крылечкѣ, — а зорька разгорается нá небѣ, жаворонки поютъ, яблони въ цвѣту, муравка зеленѣетъ... сижу и думаю, какъ бы сообщить мое намѣреніе Якову? — Вдругъ, смотрю, вы-

ходитъ онъ на крыльцо; постоялъ, поглядѣлъ, вздохнулъ и прикорнулъ на ступенькѣ со мною рядышкомъ. Я даже испугался на радости, — но только молчо̀къ. — А онъ сидитъ, смотритъ на зарю — и тоже ни слова! — И показалось мнѣ, словно умиленіе на него нашло: морщины на лбу разгладились, глаза даже посвѣтлѣли... еще бы, кажется, немножко — и слеза бы прошибла! Усмотрѣвши таковую въ немъ перемѣну, я, — виноватъ! — осмѣлился. — Яковъ, говорю я ему, выслушай ты меня безъ гнѣва... — Да и разсказалъ ему о моемъ намѣреніи: какъ намъ вдвоемъ къ Митрофанію пойти — пѣшечкомъ; а отъ насъ до Воронежа верстъ полтораста будетъ; и ка́къ оно пріятно будетъ — вдвоемъ, весеннимъ холодочкомъ, до зорьки поднявшись — идти да идти по зеленой травкѣ, по большой дорогѣ; и ка́къ, если мы хорошенько припадёмъ да помолимся у раки святого угодника, — быть можетъ, — кто знаетъ? — Господь Богъ надъ нами и смилуется — и получитъ онъ исцѣленіе, — чему уже многіе бывали примѣры! — И представьте вы, милостивый государь, мое счастье! — Хорошо, говоритъ Яковъ, — а самъ не оборачивается, все въ небо смотритъ; — я согласенъ. Пойдемъ. — Я такъ

и обомлѣлъ... — Другъ, говорю, голубчикъ, благодѣтель!... А онъ у меня спрашиваетъ: — Когда же мы отправимся? — Да хоть завтра, говорю.

— Такъ на другой день мы и отправились. Надѣли котомочки, взяли посохи въ руки — и пошли. Цѣлыхъ семь дней мы шли — и все время намъ погода благопріятствовала — даже удивительно! Ни зноя, ни дождя; муха не кусаетъ, пыль не зудитъ. И съ каждымъ днемъ Яковъ мой все въ лучшій видъ приходитъ. Надо вамъ сказать, что на вольномъ воздухѣ Яковъ и прежде — *того-то* не видалъ, но чувствовалъ его за собою, за самой спиною; а не тó тѣнь его съ боку какъ будто скользила, чтò очень моего сына мутило. А въ этотъ разъ ничего такого не происходило; и на постоялыхъ дворахъ, гдѣ намъ ночевать приходилось — тоже ничего не являлось. Мало мы съ нимъ разговаривали... но ужъ какъ намъ хорошо было — особенно мнѣ! Вижу я: воскресаетъ мой бѣднякъ. Не могу я вамъ описать, милостивый государь, чтò я тогда чувствовалъ. Ну, добрались мы наконецъ до Воронежа. Пообчистились, пообмылись — и въ соборъ, къ угоднику! Цѣлыхъ три дня почти-что не выходили изъ храма. Сколько

молебновъ отслужили, свѣчей сколько понаставили! И все ладно, все прекрасно; дни — благочестивые, ночи — тихіе; спитъ мой Яша какъ младенецъ. Самъ со мной заговаривать сталъ. Бывало, спроситъ: батюшка, ты ничего не видишь? а самъ улыбается. Не вижу, говорю я, ничего. Ну и я, говоритъ, не вижу. Чего еще требовать? Благодарность моя къ угоднику — безъ границъ.

— Прошли три дня; и говорю я Якову: — Ну, теперь, сынокъ, все дѣло поправилось; на нашей улицѣ праздникъ. Остается одно: исповѣдайся ты, причастись; а тамъ съ Богомъ восвояси — и отдохнувши, какъ слѣдуетъ, да по хозяйству поработавши, для укрѣпленія силъ можно будетъ похлопотать, мѣсто поискать — или что́. Марѳа Савишна, говорю, навѣрное въ этомъ намъ поможетъ. Нѣтъ, говоритъ Яковъ, зачѣмъ мы ее будемъ безпокоить; а вотъ я ей колечко съ Митрофаніевой ручки принесу. Я тутъ совсѣмъ раскуражился; смотри, говорю, бери серебряное, а не золотое — не обручальное! Покраснѣлъ мой Яковъ и только повторилъ, что не слѣдуетъ ее безпокоить — а впрочемъ тотчасъ на все согласился. — Пошли мы на слѣдующій день въ соборъ; исповѣдался мой Яковъ, и такъ передъ тѣмъ молился усердно!

— а тамъ и къ причастію приступилъ. Я стою такъ-то въ сторонкѣ — и земли подъ собою не чувствую... На небесахъ ангеламъ не слаще бываетъ! Только смотрю я: что́ это значитъ! Причастился мой Яковъ — а не идетъ испить теплоты! Стои́тъ онъ ко мнѣ спиною... Я къ нему. — Яковъ, говорю, что же ты стоишь? Какъ онъ обернется вдругъ! — Вѣрите ли, я назадъ отскочилъ, до того испугался! — Бывало, страшное было у него лицо, — а теперь какое-то звѣрское, ужасное стало! Блѣденъ какъ смерть, волосы дыбомъ, глаза перекосились... у меня отъ испуга даже голосъ пропалъ; хочу говорить, не могу — обмеръ я совсѣмъ... А онъ — какъ бросится вонъ изъ церкви! Я за нимъ... а онъ прямо на постоялый дворъ, гдѣ ночевка наша была, котомку на плечи — да и вонъ! Куда? кричу я ему: — Яковъ, что съ тобой! Постой, погоди! — А Яковъ хоть бы слово мнѣ въ отвѣтъ, побѣжалъ какъ заяцъ — и догнать его нѣтъ никакой возможности! Такъ и скрылся. Я сейчасъ верть назадъ, телѣгу нанялъ, а самъ весь трясусь и только и могу говорить что: Господи! да: Господи! И ничего я не понимаю: Что́ это такое надъ нами стряслось? Пустился я домой — потому думаю: навѣрное онъ туда

не можетъ быть отпущенія... но *его* ужъ онъ больше не видѣлъ. Погубилъ онъ-дескать мою душу; теперь зачѣмъ же ему больше ходить? А какъ слегъ Яковъ, сейчасъ въ безпамятство впалъ и такъ, безъ покаянія, какъ безсмысленный червь, отошелъ отъ сей жизни въ вѣчную...

— Но не хочу я вѣрить, чтобы Господь сталъ судить его своимъ строгимъ судомъ...

— И между прочимъ я этому потому не хочу вѣрить, что ужъ очень онъ хорошъ лежалъ въ гробу: совсѣмъ словно помолодѣлъ и сталъ на прежняго похожъ Якова. Лицо такое, тихое, чистое, волосы колечками завились — а на губахъ улыбка. Марѳа Савишна приходила смотрѣть на него — и то же самое говорила. Она же его обставила всего цвѣтами и на сердце ему цвѣты положила — и камень надгробный на свой счетъ поставила.

— А я остался одинокимъ... И вотъ отчего, милостивый государь, вы изволили усмотрѣть на лицѣ моемъ печаль великую... Не пройдетъ она никогда — да и не можетъ пройти.

Хотѣлъ я сказать отцу Алексѣю слово утѣшенія... но никакого слова не нашелъ.

Мы скоро потомъ разстались.

КОНЕЦЪ.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3420
R3
1877

Turgenev, Ivan Sergeevich
Razskaz ottsa Aleksiei͡a

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 08 06 12 017 6